

12+

Мггорь Ппопоров

Адриан Ппопоров.
Последний
рыцарь культуры

Крестьяне
о писателях

Игорь Топоров

**Адриан Топоров. Последний
рыцарь культуры**

«Издательские решения»

Топоров И.

Адриан Топоров. Последний рыцарь культуры / И. Топоров —
«Издательские решения»,

Эта книга возвращает к жизни уникальный проект Адриана Топорова — первые и до сей поры единственные в мире записи того, как простые крестьяне воспринимали литературу. Игорь Топоров бережно восстанавливает забытые тексты, открывает редкие архивы и показывает, как рождалась культура чтения «снизу». Перед вами — подлинные голоса прошлого, семейная история и новое прочтение классики в одном издании.

Содержание

25 лет пути: как рождались эти тексты	7
Часть I. Человек, который учил читать мир	10
1.«Школа без искусств — мертвый дом»1	10
2.Приветствие И. Г. Топорова участникам Научной конференции «Читатель в русском литературном процессе XX века. К 90-летию выхода книги А. М. Топорова „Крестьяне о писателя“», 15—16 декабря 2020 г.29	19
3. Об уникальном опыте переноса литературной критики на театральную сцену и его влиянии на популяризацию чтения в современном обществе30	20
4. Приветствие И. Г. Топорова участникам празднования первого в истории Алтая Дня Просветителя, 04.09.202041	23
Часть II. В поле его тяготения: встречи и судьбы	24
1. А. С. Пушкин в жизни и творчестве писателя и просветителя Адриана Топорова42	24
2. Тема Л. Н. Толстого в жизни и творчестве писателя и просветителя А. М. Топорова43	30
3. В поле его тяготения. К 145-летию со дня рождения А. М. Горького80	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Адриан Топоров. Последний рыцарь культуры

Игорь Топоров

Дизайнер обложки Игорь Топоров

Редактор Игорь Топоров

Составитель Игорь Топоров

Иллюстратор Игорь Топоров

© Игорь Топоров, 2026

© Игорь Топоров, дизайн обложки, 2026

© Игорь Топоров, составитель, 2026

© Игорь Топоров, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-5613-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игорь Топоров — литератор, публицист, популяризатор творчества А. М. Топорова.
Фотография А. Селезнева (Тона), из личного архива семьи Топоровых

25 лет пути: как рождались эти тексты

Предисловие

Писатель, педагог и просветитель Адриан Митрофанович Топоров тихо ушёл из жизни летом 1984 года в одной из больниц причерноморского Николаева. Почти девяностотрёхлетний — он оставил после себя обширный личный литературно-общественный архив — мир, в котором соседствовали изданные и ранее не публиковавшиеся книги, журнальные и газетные статьи, учебники, исследования и подготовительные материалы, обширная переписка, фотографии, рисунки. Это наследие требовало не только хранения, но внимательного чтения, осмысления и продолжения дела, которому он посвятил жизнь.

Первым хранителем этого мира стал младший сын писателя — Герман Адрианович Топоров, инженер-строитель и архитектор по профессии, но по духу — человек тонкий и лирический (1920 — 1993). Он поддерживал связи с музеями, архивами, читателями, собирал и систематизировал материалы. Написал книгу «О чем рассказал архив», выдержавшую сразу 3 издания (2011, 2021 — Белгород, Николаев, Екатеринбург). После его ухода эта забота перешла ко мне; вот уже более двадцати пяти лет она остаётся главным делом моей жизни, моим долгом и моей благодарностью. Работа с архивом оказалась не столько ремеслом, сколько постоянным диалогом с прошлым, в котором каждый документ — голос, каждая строка — приглашение к разговору.

Герман Топоров (1920 — 1993), архитектор, поэт, младший сын и популяризатор творчества А. М. Топорова, г. Николаев. Фотография И. Топорова, из личного архива семьи Топоровых

За эти годы мне удалось оцифровать значительную часть материалов, передать многие документы в музеи, библиотеки и архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Белгорода, Пермского и Алтайского краёв, Николаева, Новосибирска и других городов. Я подготовил и опубликовал десятки статей и исследований в альманахах, сборниках, журналах, газетах и интернет-изданиях России, Украины, Казахстана и Израиля. Благодаря этой работе многие

произведения Адриана Топорова, прежде доступные лишь узкому кругу, вновь обрели читателя.

Особая гордость для меня — то, что исследования и публикации вернули имя Топорова в культурное поле. Я рад, что мои тексты появились в таких авторитетных изданиях, как «Вопросы литературы», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Звезда», «Простор», «Семь искусств» и других. Сердечная благодарность тем, кто неизменно поддерживал и поддерживает мою работу: члену-корреспонденту РАН Н. В. Корниенко; доктору педагогических наук, профессору, действительному члену РАО Ю. П. Мелентьевой; Т. Г. Титовой, дочери космонавта Г. С. Титова; научному работнику, исследователю из Будапешта Zsófia Kalavszky, педагогическому коллективу Алтайского института развития образования имени А. М. Топорова (г. Барнаул) и многим другим друзьям и коллегам. Их внимание, доброжелательность и конкретная помощь открывали новые возможности для публикаций, исследований и передачи материалов в хранилища.

В результате появились: шестое и седьмое издания легендарной книги «Крестьяне о писателях» (2014, 2016), мемуары «Воспоминания» (2010), «Интересное это занятие — жить на земле!» (2015), сборник «Мозаика» (2013) и другие произведения литератора. Венцом многолетней работы стала публикация в издательстве «Rideró» цикла из шести книг самого Адриана Топорова и трёх книг воспоминаний о нём.

Нынешний юбилейный, десятый том — не просто подборка статей. Век газетных и журнальных публикаций недолог; потому в книгу вошли мои собственные тексты разных лет, отобранные как свидетельства пути: исследования и заметки, воспоминания и очерки, научные и публицистические зарисовки. Вместе они образуют хронику моих поисков, встреч и открытий, попыток понять и передать читателю образ человека, чья жизнь была посвящена долголетию служению культуре и просвещению.

Я стремился совместить в этих страницах разные интонации — лирическую память, интимную исповедь и научную торжественность — потому что именно такое сочетание, мне кажется, наиболее полно отражает сложную и многогранную судьбу Адриана Митрофановича Топорова. Пусть этот сборник станет итогом двадцати пяти лет моего пути, приглашением к дальнейшему чтению и размышлению, а также напоминанием о том, что память об этом замечательном писателе и человеке живёт, пока его произведения читают и обсуждают люди.

Игорь Топоров

Часть I. Человек, который учил читать мир

1.«Школа без искусств — мертвый дом»¹

Адриан Топоров с внуками Стеллой и Игорем, г. Пермь, 1964. Фотография Г. Топорова, из личного архива семьи Топоровых.

До предела компьютеризированный XXI век поставил перед педагогами практически любой страны задачу возобновления у учащихся тяги к чтению, а также обнаружил значительное падение их общего культурного уровня. Интернет и педагогические журналы в наши дни пестрят примерами вопиющей безграмотности даже, скажем, у студентов первого курса факультета журналистики Московского государственного университета. Так, например, Остапа Бендера в диктанте, проведенном с целью определения уровня их общей орфографической грамотности, они превратили в «Астапа Блендера», а также выдали перлы вроде следующих: поциэнт (пациент), рыца (рыться), удастса (удастся), врочи (врачи), нез наю (не знаю), генирал, через-чюр и т. д.² В этой связи представляется особенно интересным опыт ведущих педагогов минувшего столетия, сталкивавшихся с подобными проблемами на заре советской власти.

Одним из таковых был Адриан Митрофанович Топоров (1891—1984) — выходец из беднейшей крестьянской семьи на Белгородчине. Его педагогическая работа началась в 1908 г. в Курской губернии, затем он учительствовал на Алтае, где стал организатором знаменитой коммуны «Майское утро». В течение 20 лет А. М. Топоров учил детей и обучал грамоте взрослых коммунаров, создал библиотеку, музей, 2 театра, хор и струнный оркестр. С трудом верится,

¹ Печатается по тексту: Топоров И. Г., Югина (Топорова) С. Г. Школа без искусств мертвый дом // RELGA, 2015. — №9.

² Николаева А. Астап Блендер как советский поциэнт // Частный корреспондент, 27.10.2009.

но в деревенской школе, в первые тяжелейшие годы после Гражданской войны, было 50 циммермановских скрипок!

Кроме этого, А. М. Топоров организовал читки художественной литературы. «Белинские в лаптях» прослушали в блестящем актерском исполнении учителя сотни книг классиков и советских писателей, высказали о них оригинальные и глубокие замечания. Накопленный материал вылился в легендарную книгу А. М. Топорова «Крестьяне о писателях». Ей нет аналога в мире. Она сделала имя автора известным не только в СССР, но и за его пределами (США, Австралия, Польша, Швейцария и пр.), была высоко оценена А. М. Горьким, В. В. Вересаевым, К. И. Чуковским, А. В. Луначарским, Н. А. Рубакиным, А. Т. Твардовским, М. В. Исаковским и др.

Как публицист, А. М. Топоров упомянут в энциклопедиях, признавался одним из лучших селькоров СССР³. Его статьи печатались в более чем 100 изданиях страны и за рубежом. Он известен как библиовед, эсперантист, языковед, музыковед и пр. Во всех этих отраслях культуры и знаний имел научные труды, публикации. Его личные фонды имеются в государственных архивах и музеях Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, Николаева, Омска, Белгорода, Старого Оскола, Пермского и Алтайского краёв. Ему посвятил фильм «Майское утро» кинодокументалист Р. П. Сергиенко, ученик А. П. Довженко (ЦСДФ, г. Москва, 1988). О нем написаны биографические и художественные книги. За определенную схожесть судеб, ГУЛАГовское прошлое, негибаемое мужество и литературный дар его называли «николаевским Солженицыным»⁴.

Последние 35 лет жизни А. М. Топорова связаны с украинским Николаевом, куда он попал, имея статус «врага народа», без права заниматься педагогической, литературной и общественной деятельностью. Тем не менее, А. М. Топоров активно вникает в культурную жизнь города, становится членом общественных советов областной библиотеки и краеведческого музея, общественным корреспондентом ряда газет, занимается краеведением, пишет книги и учебники. Он дружит или переписывается с А. Т. Твардовским, М. В. Исаковским, С. П. Залыгиным, Б. Л. Горбатовым, Е. Н. Пермитиным и другими знаменитыми людьми.

Второй виток славы педагога относится к 1961 году, когда в космос полетел Г. С. Титов, родители которого были любимыми учениками А. М. Топорова в коммуне «Майское утро». Сам космонавт-2 называл его своим «духовным дедом». А. М. Топоров становится желанным гостем в институтах и школах, издаются его книги: «Воспоминания» (1970), «Я — учитель» (1980), «Мозаика» (1985). Неслучайно в 2000-м году жители Николаева назвали имя А. М. Топорова среди имен 10 величайших горожан XX века, наряду с общественным деятелем Н. Н. Аркасом, адмиралом С. О. Макаровым, художником А. Д. Антонюком, поэтом М. С. Лисянским и др⁵.

Но главное в Топорове то, что он был Учителем с большой буквы. Позже он напишет:

«Человек, не любящий свою профессию, всякому делу обуза. Плох он и на заводе, и в поле, и в научной лаборатории, но хуже нет, коли окажется в школе. Педагог, не любящий детей, — нелепость»⁶.

В основе его собственной педагогической системы лежало мудрое высказывание Л. Н. Толстого из «Круга чтения»:

«Чтобы поверить в добро, надо начать делать его»⁷.

³ История СССР с древнейших времён до наших дней. — М.: Наука, 1967. — Т. 8. — С. 357.

⁴ Топоров Г. А. Николаевский Солженицын, или о чем рассказал архив. — Белгород: Константа, 2011. — С. 86—93.

⁵ Топоров И. Г. Адриан Топоров. Воспоминания о деде. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2010. — С. 5—6.

⁶ Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 129.

⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 41. — М.: Государственное

Адриан Митрофанович почти сто лет тому назад блестяще воплотил на практике отечественную культурно-педагогическую традицию с ее приоритетом воспитания перед обучением. Его философско-педагогические воззрения при этом значительно отличались от официальной доктрины формирования личности. Тем самым, он во многом предвосхитил образ «идеальной школы», нарисованный В. А. Сухомлиным в виде «Школы радости».

Государство, его идеологические органы и официальная наука относились к таким педагогам настороженно. Того же В. А. Сухомлинского не раз обвиняли в «абстрактном гуманизме», в том, что он «ввел туманное понятие, именуемое человечностью»⁸. Точно так же и А. М. Топоров пережил времена жестокой критики, его мучили проверками и придирами, снимали с работы. В одной из докладных записок в 20-х годах минувшего века так говорилось о его педагогических методах:

«Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся»⁹.

В ответ на злобные выпады А. М. Топоров продолжал много и упорно работать, исследовал и применял связи образования с нравственным воспитанием и общечеловеческими ценностями. Использовал такие педагогические средства, как познание личности ребенка, слово, общение детей с природой, друг с другом. Он так формулировал своё учительское кредо:

«Неравнодушие — нерв педагогики. Щедрость — первая черта учителя. Он без оглядки отдаёт ученикам свои способности, умение, все свое время, всю свою душу. Конечно, чего-то он и сам не знает, а всего и не может узнать. Образование учителя тоже не безгранично. Но самоотдача его не имеет границ. Так, во всяком случае, должно быть»¹⁰.

А краеугольным камнем собственной педагогической концепции А. М. Топоров считал воспитание творческого начала учащихся и приучение их к чтению, реализовывая эти принципы в школе коммуны «Майское утро». В 1920 году двадцать мужиков, прихватив с собой баб и детей, ушли из села Верх-Жилинское на пустырь, чтобы начать новую жизнь. Э. Н. Горюхина, «Золотое перо России — 2008», писала, что это был

«величайший социальный эксперимент, в основе которого лежала культурная составляющая выдающегося педагога Адриана Митрофановича Топорова. Подумать только, в 20-х годах на Алтае строились коровники по типу датских скотных дворов. Выписывались из-за границы экономические журналы»¹¹.

Действительно, коммуна «Майское утро» отличалась от других общинных организаций своего времени тем, что в ней культурно-просветительская работа стояла на первом месте. Благодаря самоотверженной деятельности молодого учителя, она вошла в практику жизни крестьян и их детей, стала потребностью и зажгла в их сердцах священный огонь творчества. В красоте и культурных ценностях сам Топоров видел фундамент для развития в человеке, и особенно в ребенке, нравственных, гуманных качеств. Понимали это и коммунары «Майского утра». «Без культуры коммуны не жить, — говорили они Адриану Митрофановичу. — Нам нужна школа, нужны наука, театр, хор, оркестр, курсы, лекции. Учи и весели нас!».

Издательство Художественной Литературы, 1957. — С. 338.

⁸ Корнетов Г. Б. Всемирная история педагогики. — М.: Просвещение, 1994. — С. 125.

⁹ Гусельников В. В. Счастье Адриана Топорова. — Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. — С. 65.

¹⁰ Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 129.

¹¹ Горюхина Э. Н. Рассвет, который потушили // Новая газета, 17.07.2008.

«Да, — писал А. М. Топоров, — так они и говорили: „весели нас“. И это весели понимали не как пустое развлекательное времяпрепровождение, а как способ бытия, как средство укрепления трудового энтузиазма, как мощное оружие борьбы за новую, настоящую жизнь»¹².

Школа получила в тяжелые послевоенные годы все возможное: тепло, свет, книги, бумагу, карандаши, чернила, даже архидефицитные краски для рисования. Коммуна приобрела библиотеку, выписывала периодические издания для детей, оплачивала дальние экскурсии школьников, а Топорову построила большой и светлый дом.

Педагогическая деятельность А. М. Топорова в коммуне — это подвижническая работа энтузиаста народного образования, талантливого учителя-новатора. За три-четыре года его учащиеся не только усваивали учебный материал, но и свободно излагали мысли устно и письменно. Время его работы в школе не определялось расписанием. За небольшую зарплату он вел занятия сразу с шестью классами по всем предметам в две смены. Плюс внеклассная работа. Были и свои преимущества: начинать и заканчивать занятия учитель мог, когда ему и детям удобно. Строгого расписания, звонков на перемены не было. Просто, почувствовав усталость ребят, Топоров говорил: «Идите погуляйте!» Потом бил в шибало (кусок рельса, висевший у школы) и продолжал занятия. Бывало, по какой-то причине срывались они. Скажем, учителя вызвали в район. Возвращался он под вечер и видел, что время ещё не вышло. Снова бил в шибало, и сбегались все ученики, жившие неподалёку. И не один час в школе зря не пропадал, ребята правильно и вовремя питались, спали, гуляли, играли, готовили уроки.

Обучая коммунарских детей, А. М. Топоров много раздумывал над тем, что

«занятия в большинстве школ состоят из чтения, письма, бесед. Редко спектакли, еще реже пение (пение, а не рёв, каким богаты многие школы), совсем редко — музыка. Искусства в школах поставлены халтурно. Процесс обучения, обычно, страшно скучен»¹³.

Он где-то вычитал, что наименьшее количество уголовных преступлений совершают люди из мира культуры, и сделал свой вывод:

«Школа без искусств — мертвый дом... Конечно, не все дети одарены в равной мере, но никто не поколеблет моей уверенности в том, что все они способны воспринимать творения искусства, а в благоприятных условиях и участвовать в художественном творчестве. Убежден, что это воспитывает их не только эстетически, но и этически... Мои ученики рисовали, лепили, вышивали, устраивали конкурсы на лучшего чтеца, писали рассказы и стихи, пели по нотам, играли на музыкальных инструментах... Вели они и большую краеведческую работу. Год за годом отправлялись в походы по району, собирали экспонаты, отражавшие природу, историю, культуру, быт сибирской деревни. Записывали сотни образцов словесного и музыкального фольклора...

Рисование, живопись, лепка стали одно время повальным увлечением. В 1929 году попал в наши края скульптор С. Р. Надольский, автор знаменитого памятника «Героям 1812 года», украсившего Кутузовский сквер в Смоленске. Мы познакомились, сдружились, я пригласил его к себе, и он несколько месяцев гостил в коммуне, учил детей скульптурному мастерству. Сознаюсь, я и сам охотно лепил в классе вместе с учениками. Это подзадоривало их.

¹² Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 128.

¹³ Топоров А. М. Дисциплина в массовой школе // Просвещение в Сибири, 1926. — №9. — С. 70.

Глиняные скульптурки обжигали для прочности в русских печах. Долго они украшали и школьные классы, и дома коммунаров.

Грешный человек, я не особо жаловал частушки «про миленка» старался воспитывать вкусы на поэтических народных песнях, на произведениях музыкальной классики, отечественной и зарубежной. Вы, пожалуй, усомнитесь: «Как? Классика в сибирской глухой деревне полвека назад!» Но это было, это доподлинно так... Программа детского хора и большого хора коммуны была, как вижу теперь, довольно обширная. Исполняли народные песни: «Липа вековая», «Из-за леса темного», «Не белы-то снега», «Вдоль по Питерской», «Ноченька»... Оркестр начинал с кадрили, полек, казачка, гопака, не миновал «Камаринской», «Барыни», «Яблочка», добрался до мелодичных старинных вальсов, до мазурки Венявского. Но постепенно я вводил в репертуар наших певцов и музыкантов романсы и арии Глинки, Чайковского, Бородина, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Танеева, Мусоргского, Бетховена, Моцарта, Шумана, Массне, Гуно, Мендельсона, Беллини, Брамса... — всего мне и не вспомнить.

В «Майском утре» на протяжении многих лет действовали два театра — взрослый и детский. Новые постановки давались каждый выходной, гастролировали мы и по клубам района. Конечно, далеки были от совершенства наши актеры, художники, костюмеры, и режиссер я был в полном смысле слова доморощенный. Но зрители всегда заполняли залы, и я видел сочувствие их, когда страдали герои на сцене, слышал взрывы хохота, когда плуты, ханжи, развратники, тунеядцы, самодуры попадали в нелепые положения и получали по заслугам. На каждом спектакле я убеждался, что наш немудрящий театр учит, воспитывает, возвышает души крестьян. И тех, кто в зале, и тех, кто на сцене. С детьми мы ставили сказки, небольшие отрывки, инсценировали рассказы. Такие, скажем, как «Бежин луг» Тургенева, «Мальчишки» Чехова, «Гаврош» Гюго»¹⁴.

Надо ли говорить, с каким восторгом воспринимались все топовские культурные нововведения его учениками. Один из них, С. П. Титов, будущий народный учитель и литератор, писал об этом:

«Лишь позднее мне стало ясно, что сам учитель, работая над нами, хотел и для себя эстетического удовлетворения. Понимая нас и понуждая к искусству, иногда сердился, ругал, неистовствовал, сетовал, словно мы были виноваты, что не могли так быстро расти, слишком долго оставались детьми, не в силах были пока составить ему духовную среду»¹⁵.

А. М. Топоров был новатором по натуре. Ему претило все схоластическое, мертвое, оторванное от жизни. Он многое ненавидел в старой, царской школе, которая насаждала зубрежку, догматическое усвоение суммы разрозненных и нередко совершенно бесполезных знаний. Но и ультрареволюционные методы обучения, слепое, некритическое поклонение перед зарубежным опытом, характерное для послереволюционного времени, ему также претили. И он восставал против загибщиков от педагогики.

Особенно проявилась у Топорова склонность к педагогическим новациям в вопросе написания его учениками сочинений. Он признавался не раз, что устал читать шаблонные,

¹⁴ Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 142—143.

¹⁵ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. — М.: Советская Россия, 1967. — С. 45.

суконные, безликие творения своих питомцев. И метался в поисках способов раскрепощения их языка:

«Полезнейшее наставление нашел я у К. Д. Ушинского:

«Основание разумной речи заключается в верном логическом мышлении, а верное логическое мышление возникает из верных и точных наблюдений».

Углубившись в историю искусства, узнал, что все мировые классики литературы, живописи, зодчества, музыки зорко наблюдали природу, жизнь прошлого и современного мира. И как ни поразительна была фантазия гениев, они отталкивались от явлений и фактов действительности. Казалось, я нашел ключ: будь верен натуре, учись видеть, наблюдать. Это и положил в основу обучения школьников писанию сочинений...

Всем классом мы шли, например, в лес, останавливались, и я предлагал: «Посмотрите вокруг внимательно, запомните всякую малость, какую увидит глаз, услышит ухо, почувствует кожа, нос, а потом дома напишите рассказ «В лесу зимой». Дети замолкали, сосредоточенно наблюдали. Некоторые записывали свои наблюдения в тетрадки. На месте мы тренировались в построении фраз. Сообща сравнивали и «отделяли». Одну и ту же мысль выражали по-разному:

- В глубоком снегу видны следы заячьих ног.
- На белом пушистом снегу написано много заячьих следов.
- Строчки заячьих следов лежат на снегу.

Большинство голосов решали, чья фраза лучше. Потом я спрашивал: «Кто еще заметил что-нибудь особенное?» Ребята говорили о большом вороньем гнезде из сучьев, прилепившемся вон на той сосне и наполненном снегом; о дороге на мельницу, вдавившейся в снег, как в перину; о том, что из деревьев доносится крик петуха... И так далее, да с каждым днем больше...

Наблюдения захватили многих ребят. Натуру мы искали не только в поле и в лесу, брали бытовые темы: «Свадьба», «Спектакль в Глушинке», «Смычка». Наблюдали и за людьми... Намечали самого колоритного человека из коммунаров, совместно находили его характерные черты, ловили любимые словечки, отрабатывали каждую фразу портрета. Удачное описание «натурщика» изумляло ребят: «Как живой!» А я подчеркивал, что всякое художественное произведение радует, если оно правдиво.

Среди детских сочинений были рассказы, сказки, дневники, письма, портреты, инсценировки, стихи. У одних авторов преобладали описания, у других — диалоги, третьи пользовались и тем и другим. Одни нагромождали художественные детали, другие ограничивались двумя-тремя меткими штрихами, третьи копировали натуру. Тут им предоставлялась полная свобода... Вырастут дети физически, вырастет и их мысль. Они наострятясь видеть типичное в жизни, систематизировать наблюдения, усиливать их светом больших идей. Наконец, к достоинствам писания сочинений с натуры нужно отнести и то, что они увлекают учащихся...

О своем опыте развития мышления и речи учащихся я написал пространную статью. Приложил к ней более 400 детских сочинений, но увидели свет, разумеется, лишь единицы из них... Год спустя в Москве вышел

сборник «Свободные сочинения и детское творчество». В него включили фрагменты из моей работы...»¹⁶.

Приобщение коммунарских детей к искусствам, новая методика развития их речи — всё это привело педагога к мыслям об индивидуализации воспитания школьников. В одной из статей он писал:

«Натуралисты говорят, что в природе нет двух экземпляров, абсолютно похожих друг на друга. Это верно и в отношении людей. Отсюда понятно и требование педагогики — сделать воспитание человека индивидуальным. Истинное воспитание таким только и может быть, так как в каждом человеке важно уследить и развить не только то, чем он похож на других людей, а и то, чем от них отличается, чтобы его исключительное дарование не пропало даром для общества»¹⁷.

Постепенно он стал, по выражению того же С. П. Титова, «следопытом детских душ», которому

«хотелось узнать: к кому природа оказалась благосклонна, кому забросила в душу излишек своих даров, какими делами зажечь ученика, чтоб затеплился в его сердце огонек интереса?»¹⁸.

А. М. Топоров обогнал свое время, соединив обучение детей с каждодневным трудовым воспитанием. Ультрареволюционная педагогика объявляла ручной труд буржуазной принадлежностью, а он утверждал:

«Считаю: ручной труд — крупное достижение педагогической мысли. Всеми мерами необходимо насаждать его в советской школе»¹⁹.

И добавлял:

«Народная педагогика в основе своей справедлива, мудра. Не зря сказано, что праздность — мать всех пороков. Только в труде дети получают здоровое нравственное воспитание, растут порядочными, скромными, послушными, сильными, честными, чистыми»²⁰.

В школе «Майского утра» труд был основой учебы и воспитания. Ребятам выделили особое многоотраслевое сельское хозяйство с подсобными мастерскими. В крестьянстве дети всегда росли в труде, теперь же он приобрел новый характер. По-прежнему не был игрой, не был баловством, а был жизненной необходимостью для семьи и для общества. Это приучало школьников к порядку, дисциплине, аккуратности. Вместе с тем работа лишилась батрацких черт, она не изматывала детей, стала творческой и увлекательной. Когда, к примеру, ученики сажались на трактор, то это вызывало зависть сверстников и уважение взрослых. И для Топорова, и для взрослых коммунаров показалось бы чрезвычайным происшествием нарушение школьниками учебной или трудовой дисциплины. За 12 лет его работы в коммуне не было ни одного случая серьезного нарушения этой дисциплины его воспитанниками. А как гласит чешская народная пословица:

«Школа без дисциплины — все равно, что мельница без воды».

Годы спустя эти мысли разовьет В. А. Сухомлинский:

¹⁶ Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 135—138.

¹⁷ Топоров А. М. Дисциплина в массовой школе // Просвещение в Сибири, 1926. — №9. — С. 72.

¹⁸ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. — М.: Советская Россия, 1967. — С. 41.

¹⁹ Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 73.

²⁰ Топоров А. М. Я — учитель (воспоминания). — М.: Детская литература, 1980. — С. 141.

«Только труд во всей его многогранности, направленный на познание, освоение мира, на самовыражение, самоутверждение личности в творчестве, только насыщение свободного времени трудом, обогащающим духовную жизнь, может дать человеку счастье»²¹.

Эти два человека не были лично знакомы, однако А. М. Топоров в свое время подготовил и опубликовал большую и доброжелательную статью о коллеге «Великий педагог из Павлыша»²². Много говорил о нем в семейном и дружеском кругу. Имеется указание и на то, что В. А. Сухомлинский, в свою очередь, был неплохо осведомлен о многосторонней деятельности Топорова, о книге «Крестьяне о писателях». Сохранились несколько его писем николаевскому ученому-филологу Е. Г. Мирошниченко. В одном из них читаем:

«Я хорошо помню эту книгу еще по довоенному изданию. Всё, о чём он рассказал в своей книге и что делал в своем селе, всегда казалось мне изумительным, необычным... Настоящая сельская школа всегда была очагом мысли, культуры. Подлинный педагог является искрой, зажигающей в человеческих сердцах любовь к прекрасному»²³.

А. М. Топоров и был таким «подлинным педагогом». И вполне возможно, что корни революционных идей В. А. Сухомлинского и его единомышленников уходят частично в 20-е годы, в школу алтайской коммуны «Майское утро».

Подытожить педагогическую деятельность А. М. Топорова в наиболее продуктивный период его жизни можно упоминанием о том, что его избирали делегатом I-го Всесоюзного учительского съезда (1925), а исследователи иногда сравнивают скромную школу коммуны «Майское утро» с Яснополянской школой Л. Н. Толстого²⁴.

Несомненно, его вклад в педагогическую науку мог быть куда большим, если бы Топорову не был в свое время приклеен ярлык контрреволюционера. Его педагогическая деятельность была прервана в возрасте 46 лет. В 1937 г. А. М. Топоров был осужден по несправедливому обвинению, отбывал наказание в ГУЛАГе. После реабилитации в школу не вернулся, ограничившись публицистической деятельностью. Так и не нашли своего издателя его оригинальные учебники по изучению русского языка и международного языка эсперанто, технике игры на скрипке и пр.

Нельзя сказать, что учитель А. М. Топоров все и всегда делал образцово. Конечно же, он был сыном своего времени, случалось и сплеча рубил, был излишне самонадеян, скор на выводы. Так, однажды он написал полемическую статью, в которой доказывал, что пора бы заменить школьные учебники школьной газетой²⁵. Но в главном все же оставался убежденным просветителем, народным учителем. По словам российского литератора и общественного деятеля Н. С. Игрунова:

«Топоров знал, что делал: он звал народ вверх! И в этом всем нам наука»²⁶.

Приведем и слова публициста В. В. Глотова:

²¹ Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. — Киев: Радянська школа, 1985. — С. 475.

²² Топоров А. М. Великий педагог из Павлыша // В мире книг, 1973. — №3.

²³ Мирошниченко Е. Г. Я зачем-то съездил в Николаев. — Николаев: Аванта, 2001. — С. 135.

²⁴ Нуйкин А. А. Страсти по Макаренку. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.jig.ru/golden/016.html> Дата обращения: 30.06.2013.

²⁵ Топоров А. М. Вместо учебника — школьная газета // Просвещение в Сибири, 1930. — №1. — С. 98 — 102.

²⁶ Игрунов Н. С. Неформатный Адриан Топоров или о грозящей опасности духовной нищеты // Белгородская правда, 21.10.2008.

«Мы можем с уверенностью сказать: в лице А. М. Топорова мы имели по существу первого советского просветителя, причем такого масштаба, превзойти который не удалось никому... Идея приобщения народа к мировой культуре была воплощена Топоровым на небольшом пространстве, но столь блистательно и глубоко, что до сих пор поражаешься тому, чего может достигнуть один человек!»²⁷.

Творческое наследие А. М. Топорова привлекало и привлекает внимание общественности. Разработанная им система обогатила педагогическую науку новаторскими идеями, внесла вклад в теорию и практику образования и воспитания, вызвала позитивный отклик у современников и педагогов последующего поколения: В. А. Сухомлинского, николаевских ученых Т. К. Пересунько, Е. Г. Мирошниченко, сибирячек О. М. Потапчук, И. И. Плехановой, руководителя «Международного центра гуманной педагогики» Ш. А. Амонашвили, его ближайших сподвижников из СНГ и многих других.

В Белгороде и Николаеве открыты мемориальные доски, проводятся Топоровские чтения, где в числе прочего обсуждаются его педагогическая система и опыт школьной работы. Администрация Алтайского края и Алтайская государственная академия образования имени В. М. Шукшина в 2010 году учредили Всероссийские чтения «Педагогическое наследие Степана Павловича Титова». Здесь отдается дань памяти воспитателю этого педагога А. М. Топорову. В селе Верх-Жилино Алтайского края (ранее Верх-Жилинское), где он трудился, создан и активно работает школьный педагогический музей. На его базе проводятся Топоровские читки с участием представителей педагогической и культурной общественности Алтая. В школе также открыта памятная доска в его честь, бывают многочисленные гости и делегации.

Разумеется, практику педагогической работы этого учителя-новатора невозможно полностью перенести на современную почву. В письме к А. М. Топорову писатель и журналист А. А. Аграновский высказался так:

«Думаю, что широкого распространения Ваш опыт не мог и не может получить. Он действительно неповторим и уникален... Сколько ни сетуй по этому поводу, сколько ни издавай приказов, сколько ни призывай распространять, тут надобен прежде всего талант... Если же формально взяться распространять Ваш опыт (или опыт Макаренко, Сухомлинского), то ничего хорошего из этого получиться не может... Без дарования, без отблеска таланта, без истинного горения выйдет еще одно мероприятие, и только»²⁸.

Отсюда и вывод: современному педагогу нужно просто попытаться жить, как эти великие учителя, принять меру их труда, работать, засучив рукава, не требуя за это наград, отказаться от стереотипов, искать новое, своей нравственностью соответствовать их нравственности, а главное — очень, очень любить детей. Лишь тогда можно повторить их опыт, лишь тогда работает их методика, а школа не будет «мертвым домом»!

²⁷ Топоров А. М. Мозаика. — Киев: Дніпро, 1985. — С. 3.

²⁸ Уроки Аграновского. — М.: Известия, 1986. — С. 309 — 310.

2. Приветствие И. Г. Топорова участникам Научной конференции «Читатель в русском литературном процессе XX века. К 90-летию выхода книги А. М. Топорова „Крестьяне о писателях“, 15—16 декабря 2020 г.²⁹

Дамы и господа! Уважаемые участники научной конференции!

Безумно рад приветствовать вас на сегодняшнем архиважном для меня мероприятии. Горд тем, что краеугольным камнем и информационным поводом для ее повестки дня является юбилей легендарной книги А. М. Топорова «Крестьяне о писателях». Искренне благодарен за это руководству Института мировой литературы имени А. М. Горького, всем докладчикам и лично — председателю Оргкомитета г-же Н. В. Корниенко.

Лет 5—6 тому назад (после известных событий на Украине, где сегодня проживаю) я решил было приостановить работу по популяризации творчества моего деда. И даже пожаловался в письме профессору МГУ А. Ю. Сергеевой-Клятис на падение интереса к личности А. М. Топорова в моей стране и в России. На что получил ответ в том духе, что сложные периоды бывают у любого исследователя. И мне не стоит расстраиваться, ибо имя Адриана Топорова давно вошло в историю литературы и педагогики. И специалисты этих сфер знаний будут помнить этого Человека и его труды ВСЕГДА!

Уважаемая Анна Юрьевна была права. Перечислю важнейшие события только за пару последних лет:

— Имя писателя присвоено Алтайскому институту развития образования, школе в районном центре Алтайского края — Косихе, библиотеке на его малой родине в Старом Осколе.

— В Томском ТЮЗе талантливый питерский режиссер Дмитрий Егоров выпустил уникальный спектакль «Крестьяне о писателях. Житие учителя в трех действиях», созданный по мотивам книги Адриана Топорова, а также его мемуаров «Интересное это занятие — жить на земле!». Эта работа высоко отмечена членами экспертного совета Национальной премии «Золотая маска» и на ряде всероссийских театральных фестивалей.

— Эксперты «Полки» (это образовательный проект о самых важных произведениях русской литературы) назвали 7-е московское издание книги Адриана ТОПОРОВА «Крестьяне о писателях» (Москва: Common place, 2016 г.) в числе главных переизданий и находок всего 21-го века.

Но особенно я дорожу сегодняшним, высочайшего научного уровня мероприятием, считаю его вершиной в исследовании многогранного творчества Адриана Митрофановича Топорова, как одного из пионеров изучения феномена ЧИТАТЕЛЯ в русском литературном процессе.

И, в то же самое время, отправной точкой в части переиздания трудов писателя, поиска ранее неизданного или почему-то в последнее время забытого.

Уверен, что материалы конференции станут важным событием в литературно-общественной жизни России и всего Русского мира.

Желаю всем ее участникам плодотворной работы, а также — творческих и житейских удач — в дальнейшем.

Будьте здоровы, берегите себя и близких!

²⁹ Печатается по тексту из личного архива Топорова И. Г.

3. Об уникальном опыте переноса литературной критики на театральную сцену и его влиянии на популяризацию чтения в современном обществе³⁰

В конце 2017 года в Томском ТЮЗе впервые в отечественном театре режиссер Д. В. Егоров инсценировал произведение, которое формально относится к литературоведению. Объектом его творческих изысканий стала уникальная книга «Крестьяне о писателях» Адриана Топорова³¹. На афише имеется также важный подзаголовок — «Житие учителя в трех действиях».

О литературной первооснове спектакля. В алтайской коммуне «Майское утро» А. М. Топоров с 1920 по 1932 годы собирал в школе неграмотных крестьян и декламировал им книги. Учитель не ограничился ликбезом, а читал с коммунарами Гомера, Шекспира, Гамсуна, Льва Толстого, Пушкина, Лермонтова, Фета, Чехова, Горького, Маяковского, Есенина и др. Одновременно А. М. Топоров начал заниматься с крестьянами, их детьми музыкой. Знакомились с творчеством Баха, Бетховена, Глинки, Чайковского... Организовали хор, театр, а живопись в школе преподавал С. Р. Надольский, автор знаменитого памятника «Героям 1812 года» в Смоленске.

А. М. Топоров сумел разговорить молчаливых сибиряков, о книгах до хрипоты спорили. Поняв, что перед ним кладезь человеческой мудрости, учитель стал записывать суждения крестьян. Например, читки произведений А. С. Пушкина продолжались около 2-х месяцев. Атмосферу тех дней прекрасно иллюстрируют слова самого Топорова:

«Как сейчас помню, читал я со сцены Пушкина, видел замерший зал, ощущал сотни воткнувших в меня глаз, и от этого в душе было сияние и лёгкий взлёт»³².

И дальше делал вывод архиважный:

«Люди ощущают больше, чем могут выразить... Художественное творение воздействует прежде всего на воображение и эмоции человека. Через возбуждение их оно преобразует и ум»³³.

Заметки Топорова и суждения коммунаров в 1930 году составили сборник «Крестьяне о писателях»³⁴. Книгой восхитился А. М. Горький³⁵, В. А. Сухомлинский позже назовет коллегу «искрой, зажигающей в человеческих сердцах любовь к прекрасному»³⁶. Среди почитателей книги оказались В. В. Вересаев, А. В. Луначарский, К. И. Чуковский, А. Т. Твардовский, М. В. Исаковский, С. П. Залыгин. В Париже на выход «Крестьян» откликнулся критик П. М. Бицилли³⁷, в Лозанне — Н. А. Рубакин:

³⁰ Печатается по тексту: Топоров И. Г. Об уникальном опыте переноса литературной критики на театральную сцену и о его влиянии на популяризацию чтения в современном обществе // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы IX Международного научного семинара (Москва, 24 — 25 октября 2018 г.): В 2 ч. / Сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. — Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный издательский центр «Наука» РАН, 2018. — Ч. 2. — С. — 163 — 166.

³¹ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М.: Common place, 2016.

³² Топоров А. М. Я — учитель. — М.: Детская литература, 1980. — С. 151.

³³ Топоров А. М. Крестьяне о писателях, 1982. — М.: Книга. — С. 262.

³⁴ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М.: Госиздат, 1930.

³⁵ Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. — М.: Наука, 1965. — С. 363.

³⁶ Мирошниченко Е. Г. Я зачем-то съездил в Николаев. — Николаев: Аванта, 2001. — С. 135.

³⁷ Бицилли П. М. А. М. Топоров. Крестьяне о писателях. 1930. Гос. Изд. // Современные записки (Париж), 1931. — № XLVI. — С. 522 — 524.

«Ваша замечательная книга особенно ценна ее внутренней честностью... Она откроет глаза многим и многим на настоящую роль и значение и на социальное назначение литературы...»³⁸.

«Крестьяне» в дальнейшем выдержали ещё 6 изданий. Её хранят тысячи библиотек: от Барнаула — до «Ленинки» и Библиотеки Конгресса в Вашингтоне (англ. The Library of Congress).

О спектакле Мити Егорова. Он полностью документальный: даже музыкальное сопровождение написано сибиряком С. В. Шароновым в начале прошлого века. Его эмоциональный модус похож на высказывания тех самых крестьян из топоровской книги. По решению режиссера Д. В. Егорова, главный герой так и не появится ни в одном из 3-х действий:

«Лучше пусть это будет портрет идеального учителя, нарисованный многими людьми, чем портрет того же учителя, сыгранный кем-то из артистов»³⁹.

В роли учителя предстанет практически весь актерский состав ТЮЗа. Ведь цель постановки скорее социальная — напомнить зрителям и власть имущим о ценности хорошей книги, о важности профессий учителя или библиотекаря и проч.

А. М. Топоров понимал, что сильные художественные впечатления ведут человека вперед, и такой была его практика: увлекать людей, дарить им эти впечатления. Он ведь учился в церковно-приходской школе, и просвещение было для него как религия, как путь. И на этом пути у него были бесконечные тернии. Здесь несколько контрастных историй.

Одна — о космонавте Германе Титове, чей отец Степан в коммуне «Майское утро» дружил с учителем, не расставался с книгами, скрипкой и мольбертом. И Герману Титову просвещение в буквальном смысле позволило переместиться из серой реальности к звездам — сцена эта решена эффектно.

Другая — о судьбе учителя. И Адриана Топорова, и обычного современного российского учителя. Длилось сибирское чудо, когда люди стремились к просвещению, обучались грамоте, развивались и при этом много трудились, недолго. Читки были запрещены, а в 1937 году А. М. Топоров по ложному обвинению отправился в ГУЛАГ. Отбывал он наказание 5 лет и еще радовался, что повезло — приговор мог бы быть страшнее. Между тем, в запустение пришла и вся некогда процветавшая коммуна «Майское утро».

В 3-м действии, когда история идет к, казалось бы, безрадостному финалу, меняется и само пространство: исчезает одна из «стен» на сцене, и оно больше уже не напоминает избу для читок, а переносится в большой мир и становится актуальным в разном времени. К зрителю вплотную выходит девушка с монологом, который режиссер дословно записал в Верх-жилинской школе, что на Алтае: про дела и нужды сельского учителя, про то, что ребятишки хорошие и что зря родители дома при них матерятся. Артисты раздают зрителям бумажки с адресом школы и просят высылать в тамошнюю библиотеку хорошие книжки: в рамках школьной программы у них все есть, а вот интересному и новому там будут очень рады. Мы слышим голоса первоклассников, записанные на родине коммунаров. Дети читают стихи Пушкина, любимого автора своих прадедов из «Майского утра».

«Эта история показательная как для России того времени, так и для сегодняшней. К большому сожалению, нашей стране и по сей день не слишком нужны образование и культура. Иначе как можно объяснить, что эти отрасли

³⁸ Государственный архив Николаевской области. Ф. Р-2852, оп. 4, д. 295, л. 69—70.

³⁹ Режиссер из Санкт-Петербурга поставил в Томске спектакль «Крестьяне о писателях» // ГТРК «Томск». Новости, 04.12.2017. — URL: <http://www.tvtomsk.ru/vesti/culture/31940-rezhisser-iz-sankt-peterburga-postavil-v-tomske-spektakl-krestyane-o-pisatelyah.html> Дата обращения: 24.09.2018

финансируются по остаточному принципу? А многие учителя, библиотекари — особенно в глубинках — живут за чертой бедности... Но я хотел, чтобы эти люди, которые увидят спектакль, поняли, что они не забыты. То, что они делают, ценно и очень важно. И нужно продолжать, как Адриан Топоров, нести разумное, доброе, вечное»,

— говорил Дмитрий Егоров при мне на обсуждении премьеры в Томске в декабре 2017 года.

А оптимистических нот после просмотра спектакля всё же куда больше. Ведь он создан молодым, талантливым и неравнодушным творческим коллективом — в театре из российской глубинки, призванном творить для молодых. Уже почти год пьеса идет с аншлагом, она получила отличную прессу и находится в русле тех проблем, что мы обсуждаем сегодня, и которые видятся создателям спектакля и его зрителям изнутри.

Потому — я прошу помощи у собравшихся в этом зале в части популяризации спектакля, организации гастролей томского ТЮЗа с ним в обеих столицах: Москве и Минске, а также его освещения в СМИ России и Беларуси.

В заключение хотел бы обратить внимание участников сегодняшнего собрания на еще одно актуальное произведение А. М. Топорова — книгу «Мозаика»⁴⁰. Это — коллекция из 500 миниатюр о деятелях мировой и отечественной культуры и науки. Прочитав эти блистательные вещицы, любому, скорее всего, захочется расширить познания о Лермонтове и Бальзаке, о Бетховене и Чайковском, о Саре Бернар и Ермоловой, о Рафаэле и Левитане... Книга чем-то напоминает опыты Анны Нетребко, Дмитрия Хворостовского, Ванессы Мей, которые пытались и пытаются подавать музыкальную классику людям цифрового поколения в необычной, увлекательной и популярной форме, с учетом «клиповости» мышления современного зрителя и его нежелания тратить время и усилия на познание многомерности культурных явлений. Уверен, что «Мозаику», как и топовских «Крестьян», мы должны иметь в школах и ВУЗах, а также в каждой крупной библиотеке России и Беларуси.

⁴⁰ Топоров А. М. Мозаика: Из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, ученых. — Издательские решения, 2021. — 340 с.

4. Приветствие И. Г. Топорова участникам празднования первого в истории Алтая Дня Просветителя, 04.09.2020⁴¹

Здравствуйте, дорогие алтайцы, дорогие земляки мои по отцу и по деду!

Совсем недавно, казалось бы, радовался — как ребенок — присвоению летом 2019 г. имени А. М. Топорова Алтайскому институту развития образования, затем открытию памятника народному просветителю в Барнауле. А сегодня я не менее искренне восторгаюсь логическим продолжением тех событий — первым в истории Алтая празднованием Дня Просветителя. И особенно горд я тем обстоятельством, что два последних мероприятия приурочены ко дню рождения моего незабвенного деда — Адриана Митрофановича Топорова. Тем самым педагогическая общественность вашего края признала и его жизненный подвиг, и его весомый вклад в дело всеобщего народного образования.

Глубоко сожалею, что — по понятным причинам — лишен возможности быть в этот радостный день вместе с вами... Но это досадное обстоятельство не мешает мне от всей души порадоваться за несомненный прогресс в гуманитарной сфере на Алтае, поблагодарить за уже сделанное руководство регионального профильного министерства во главе с Максимом Александровичем Костенко, администрацию АИРО имени А. М. Топорова, каждого из работников просвещения края, которые достойно продолжают славные традиции, некогда заложенные не только Адрианом Топоровым, но и Василием Штилике, Василием Ершовым, Руфиной Овсиевской, Степаном Титовым, многими другими по-настоящему талантливыми людьми!

Так будьте же здоровы и счастливы! Творческих и житейских всем вам удач, дорогие мои!
С Днем Просветителя!!

⁴¹ Печатается по тексту из личного архива И. Г. Топорова

Часть II. В поле его тяготения: встречи и судьбы

1. А. С. Пушкин в жизни и творчестве писателя и просветителя Адриана Топорова⁴²

Через 2 дня в России и далеко за ее пределами миллионы людей отметят 210-ю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина. А 23 июля этого же года, боюсь, незамеченным может остаться еще один юбилей: 25-летие с того дня, как ни стало писателя и просветителя Адриана Топорова.

В жизни любого мало-мальски культурного человека есть свой Пушкин. Только для подавляющего большинства из нас — это факт глубоко личный, интимного, так сказать, свойства. Иное дело — люди творческие и успешные. Вот здесь зачастую возникает искушение проследить влияние гения российской словесности на их жизнь и деяния.

Именно таков был Адриан Митрофанович Топоров. В Николаеве А. Топоров прожил более 35 лет и нашел вечный покой. В 2000 году по опросу ЦИОМ «Наваль-эксперт» он назван его жителями в числе десяти наиболее великих горожан всего XX века, наряду, например, с адмиралом С. О. Макаровым и поэтом М. С. Лисянским.

А. Топоров — выходец из беднейшей крестьянской семьи, окончил всего лишь второклассную церковноприходскую школу на Белгородчине. Но благодаря каждодневному упорному труду и самообразованию он сумел достичь немалых высот в самых разнообразных отраслях знаний и культуры.

А. Топоров является автором единственной в своем роде в мире книги «Крестьяне о писателях» (1930 г.), высоко оцененной А. М. Горьким, А. В. Луначарским, К. И. Чуковским, М. В. Исаковским, А. Т. Твардовским, В. А. Сухомлинским, С. П. Залыгиным... В ней собраны отзывы полуграмотных и неграмотных вовсе, но мудрых крестьян из алтайской коммуны «Майское утро», которым А. Топоров в течение 12 лет ежевечерне (!) читал произведения классической и советской литературы. Он создал еще нескольких литературных произведений, последнее из них — мемуары «Я — из Стойла» — опубликовано в прошлом году в старейшем литературном журнале России «Сибирские огни». Его имя упомянуто в многочисленных литературных энциклопедиях и словарях, его личные архивы имеются в Институте мировой литературы, Пушкинском доме, ему посвящены экспозиции в Белгородском и Алтайском литературных музеях и т. д.

Авторы множества педагогических научных трудов, диссертаций, учебных вузовских программ называют фамилию А. М. Топорова в одном ряду с именами Я.-А. Коменского, К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, В. Ф. Шаталова. Он создал немало оригинальных педагогических методик, был ярым сторонником трудового воспитания в школе, в рамках учебного процесса активно использовал наивысшие достижения культуры в ее самых разнообразных формах. Один лишь факт: в голодные послереволюционные годы в коммунарской школе работали детский театр, хор и небольшой симфонический оркестр, а в распоряжении ребятшек было более 50-ти первоклассных циммермановских скрипок.

Как публицист А. Топоров упомянут в серьезных исторических исследованиях, а его статьи печатались в 73 изданиях в СССР и за рубежом.

⁴² Печатается по тексту: Топоров И. Г. А. С. Пушкин в жизни и творчестве николаевского писателя и просветителя А. М. Топорова / Регіональна культура в умовах глобалізації. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Випуск II. — Миколаїв: університет «Україна», 2009. — С. 213—217.

Адриан Митрофанович известен также как эсперантист, музыковед, скрипач, языковед, чтец, оратор, краевед... Во всех этих отраслях культуры и знаний он имел печатные работы, научные труды. О нем созданы фильмы, написаны биографические и художественные книги, стихи, а самого А. Топорова не раз называли одним из «последних рыцарей культуры» XX века, а также «николаевским Солженицыным» — за определенную схожесть судеб, ГУЛАГовское прошлое, негибаемое мужество и несомненный литературный дар. Более подробные сведения об А. Топорове можно найти в Интернете, где размещена, например, документальная повесть его сына Г. Топорова «О чем рассказал архив».

Впервые имя Поэта маленький Адриан услышал в 1900 году в церковно-приходской школе села Бродка Старооскольского уезда Курской губернии. Вот что писал сам А. Топоров в автобиографической книге «Я — учитель»:

«Школа — сущая изба на курьих ножках. Три отделения теснились в одной комнатухе. Наглядных пособий никаких... Учил нас дьякон Михаил Аушев, изгнанный из духовной семинарии за усердное пьянство... Иногда, должно быть сам утомившись от бесконечных молитв, он читал нам... сказки Пушкина... Глубокие интонации его голоса, точные жесты и мимика раскрывали перед учениками всю прелесть живописного слова».

Впрочем, обучение в этой, а затем и в Каплинской второклассной церковно-приходских школах по большому счету мало что дало любознательному пареньку.

«И я сам дошел до мысли, что улучшить свой косолапый язык смогу лишь с помощью чтения — другого способа нет. А где взять книги? В Стойле, куда я приезжал на каникулы, библиотека была одна — у горбатого барина. Рассказывали, книги у него сплошь в полированных шкафах, в сафьяновых корешках, с тиснением и позолотой. Разве ж он даст мне? Долго я мучился сомнениями, но однажды все же подошел к нему:

— Здравствуйте, Николай Егорович!

— Здравствуй, здравствуй, чего тебе?

— Хочу читать, — выпалил я, — а книг нет. Дайте, пожалуйста, из вашей библиотеки.

Он спешил куда-то, но тут даже остановился. Оглядел меня с головы до ног...

— А ты чей?

— Топоров... Стойленский.

— И хочешь читать?

— Хочу.

— Гм... Ну, идем.

В дом все же меня не пустил, оставил ждать у порога. Но вынес том Пушкина...».

Об отношении А. Топорова к великому поэту, наверное, красноречиво говорит и тот факт, что по воспоминаниям односельчан, из личного имущества были у него скрипка, этажерка с книгами и три портрета — Пушкина, Добролюбова и Белинского.

Там же в «Майском утре» на основе высказываний крестьян, метко названных одним из журналистов «Белинскими в лаптях», появилась на свет и упомянутая мною выше знаменитая книга «Крестьяне о писателях».

И опять обращаюсь к воспоминаниям А. Топорова «Я — учитель»:

«Наград для себя я за эту работу не ждал, моего учительского жалованья (тридцать два рубля в месяц) чтения не повышали, но не скажу, что был вполне

бескорыстен. Корысть имелась: мне было интересно жить... Как сейчас помню, читал я со сцены Пушкина, видел замерший зал, ощущал сотни воткнувших в меня глаз, и от этого в душе было сияние и легкий взлет...

Среди любимых учеников А. Топорова на Алтае были Степа Титов и Шура Носова, родители всемирно известного космонавта-2 Г. С. Титова. Степан Титов стал его преемником, учителем того же села. Он очень много читал, особенно полюбил поэзию, не расставался с Пушкиным, а детей своих впоследствии назвал пушкинскими именами — Германом и Земфирой. Сам космонавт, выращенный на культурных традициях своей семьи, перед полетом на тренировках в сурдокамере читал наизусть целиком «Евгения Онегина». Адриана Топорова он назвал своим «духовным дедом» и не раз навещал в г. Николаеве. Вот так — в космические дали — протянулась «пушкинская» цепочка, начало которой положил в далеком 1900-м году Адриан Митрофанович Топоров!

И в литературных трудах А. Топорова пушкинская тема — среди основных. Вспомним для начала посвященный Пушкину раздел его легендарной книги «Крестьяне о писателях». Адриан Митрофанович, говоря об этом, как сейчас модно говорить, проекте, неизменно подчеркивал:

«Я старался читать коммунарам самое лучшее, что было у меня в библиотеке, — „Метель“, „Дубровского“, „Капитанскую дочку“ Пушкина...»

Во всех изданиях со 2-го по 5-е в книгу включен раздел «О Пушкине». История, связанная с читкой пушкинских творений крестьянам и чудесного спасения соответствующей рукописи их высказываний, описана самим А. Топоровым:

«В 1928 году редакция журнала «Красная Нива» обратилась ко мне с просьбой — написать небольшой очерк на тему «Пушкин в избе-читальне»...

Я провел «массовый смотр» произведений А. С. Пушкина и записал отзывы коммунаров.

Читки произведений А. С. Пушкина тянулись около двух месяцев. Едва я объявил их — по коммуне пошло такое сильное возбуждение, точно все ее население готовилось к небывалому торжеству...

— Пушкина будут читать!

— Даешь Пушкина!

— Послушаем еще разок!

Коммунары лихорадочно спешили поспешить дневную работу, чтобы вечером не опоздать в школу на читки... А. С. Пушкин заполнил головы коммунаров, стал властителем дум. На работе слушатели рассуждали о нем, сравнивали его со многими современными писателями. Там и сям в коммуне возникали летучие диспуты...

Отзывы коммунаров «Майского утра» о произведениях А. С. Пушкина составили довольно объемистую рукопись. В 1932 году я написал Викентию Викентьевичу Вересаеву о желании встретиться с ним, чтобы показать ему мою работу. Глубокий исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина немедленно отозвался. Ознакомившись с рукописью, он одобрил ее и посоветовал приберечь до очередной пушкинской даты...

В январе 1937 года я получил телеграмму: «Немедленно явиться Пушкинский комитет при библиотеке Ленина. Вересаев».

По рекомендации писателя Пушкинский комитет приобрел мою рукопись для выставки, посвященной столетию со дня смерти великого поэта. Выставка была организована в Москве, в Историческом музее...

Прошло много лет. В годы Великой Отечественной войны фашисты уничтожили почти весь мой архив. Все попытки разыскать оригинал рукописи отзывов коммунаров «Майского утра» о сочинениях А. С. Пушкина были тщетны.

И лишь недавно его нашли в Ленинграде, в Пушкинском доме...».

И с тех пор пушкинский раздел неизменно занимал главенствующее место во всех послевоенных изданиях «Крестьян».

«Белинские в лаптях» воспринимали Пушкина пусть чуточку наивно, но чрезвычайно чутко:

— Теперь уж так жарко никто не пишет.

— Каждый стих Пушкина горит несгораемым кустом.

— Слушаю я ушами, а оно своим чередом у меня в нутре перерабатывается... Ох, и разворочало у меня котелок!.. Пушкин — настоящий бог!

Удивительны по тонкости восприятия наблюдения сибирских крестьян над пушкинским стилем:

— Как на легких рысях несет тебя Пушкин. Это — какое-то сладкое вино!.. И лирика, и все, что угодно, льется у Пушкина рекой. Стихи вольны, без принужденья. Не высасывались они из пальца. Пишет Пушкин стихи, как будто в игрушки играет!

— Много нам читали книг, читали и плохих, и хороших писателей, но когда прочитали Пушкина, то ровно после ржаного хлеба поели свежего пшеничного!

Как видите, полуграмотные сибирские кержаки мужицким умом своим исключительно верно поняли величие А. С. Пушкина и особенно по отношению к современным им советским литературным поденщикам (именно это в 1937 году было поставлено в вину алтайскому учителю Топорову при оглашении судебного приговора). Вот, например, что говорила коммунарка М. Т. Шитикова во время обсуждения «Железного потока» Серафимовича (те, кто постарше наверняка помнят это произведение по школьным урокам литературы):

— Конечно, я не скажу, что «Железный поток» не нужен совсем. Но как-то он... Вот у Пушкина в «Пиковой даме»... мысли все время играют, работают, придумывают. Это интересно! Не сидишь пнем, чуркой. В это время даже неохота говорить ни с кем. Если затеют разговор, то с досады уйдешь на другое место и раздумываешь. Как и что будет. Думаешь, будет так, а оно выходит у Пушкина по-другому. Мудришь-мудришь по-своему по-маленькому уму, а оно опять не так. И все это приятно, весь торжествуешь, жизнью наслаждаешься с теми людьми. А на «Железном потоке» не пришлось свой ум ломать, потому что все сразу видно, что будет. У Пушкина заломка-то уж очень интересная!! А у современных писателей все сразу знаешь, чем кончится.

Понять ситуацию, сложившуюся вокруг этого первого и единственного эксперимента в мировой культуре, можно только в контексте истории. Из века в век культивировалось мнение (и только ли в России?) — что простой человек, и в первую очередь крестьянин, способен воспринимать в литературе и искусстве лишь самое заурядное и примитивное. И вдруг один из слушателей во время чтения Пушкина пронизательно заметит:

«Надо писать, чтобы писание было для народа и умное, и картинное, и политическое, и душезаношливое».

По существу этот вывод подтвердит и сам Топоров: крестьяне «любят все, что талантливо, действительно, прекрасно и просто по форме». Это был вызов тем, кто практически обвинял огромную часть народа в биологической неполноценности.

Сегодня разительно изменилась наша жизнь, можно сказать, изменилась эпоха. Неминуемо изменилось и восприятие Пушкина. Но разве кто-то может сказать, что приведенные выше высказывания неинтересны или непонятны нам, живущим ныне?!

Тема чтения пушкинских произведений крестьянам в коммуне «Майское утро» затронута А. Топоровым также в его книге «Воспоминания», изданной Алтайским книжным издательством в Барнауле в 1970 году — в одной из глав «Мой мудрый наставник», посвященной В. Вересаеву. Именно Викентию Викентьевичу принадлежит знаменитая фраза о критиках-коммунарах, подлинных соавторах книги А. Топорова «Крестьяне о писателях»:

«Весьма, весьма оригинально! И как сильно говорят! Вот уж доподлинно: проглотить перо — так не скажешь!..».

А в 1985 году в киевском издательстве «Дніпро» вышла книга А. М. Топорова «Мозаика», которая знакомила читателя с любопытными фактами, эпизодами, случаями из жизни замечательных людей — писателей, художников, ученых и т. д. В этих миниатюрах, почерпнутых из литературных источников и обработанных А. М. Топоровым, нет ничего вымышленного. Они — плод его неизменного долготелетнего читательского интереса. Приведу только один эпизод из тех, что связаны с именем гения русской литературы:

КТО ГЛУПЕЦ

В петербургском театре шла опера. Главную партию пел знаменитый бас — Осип Афанасьевич Петров. Некто, сидевший рядом с Пушкиным, все время скверно подпевал артисту. Поэт не выдержал и довольно громко сказал:

— Что за глупец? Мешает слушать!

«Подпевала» обратился к Александру Сергеевичу:

— Позвольте, милостивый государь, спросить: кого вы называете глупцом?

— Конечно, артиста Петрова, так как он лишает меня удовольствия вас слушать.

И, наконец, в «Занимательном задачнике», написанном с целью повышения грамотности учащихся, привития им речевых навыков, целый ряд заданий построен на использовании цитат из бессмертных пушкинских произведений.

У родственников А. Топорова, в личном архиве, долгие годы хранятся разнообразные вырезки из газет и журналов. Во многих упоминается имя А. С. Пушкина. Есть там, например, статья руководителя николаевского Пушкинского клуба А. С. Золотухина «Пушкин в Николаеве» с собственноручными пометками А. М. Топорова.

А в одной из многочисленных статей о Топорове ученого-филолога из Николаева Т. В. Пересунько приводится интереснейший факт. Оказывается Адриан Митрофанович в свое время, опираясь на научные факты, опроверг расхожую легенду о том, что А. С. Пушкину принадлежит экспромт-эпиграмма:

Рак не рыба,
Дурак Кандыба,
Рыба не рак,
Кандыба дурак.
И так, и сяк —
Кандыба дурак,

сочиненная якобы в селе Кандыбино Новоодесского района Николаевской области, в которой герой ее — тамошний помещик Кандыба.

«Чтобы доискаться истины, — пишет автор, — А. М. Топорову пришлось связаться с Пушкинским домом в Ленинграде, библиотекой имени В. И. Ленина в Москве, с Государственным музеем А. С. Пушкина. Топоров

преподнес урок литераторам, показав, сколь опасно верить непроверенным сенсациям, которые опошляют личность гения».

Еще один николаевский литератор Е. Г. Мирошниченко, откликнувшись на смерть А. М. Топорова, позволил себе сравнить его деяния с жизненным подвигом С. С. Гейченко, легендарного многолетнего хранителя государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Михайловском. И, думается, он имел на это полное право.

А в заключении приведу стихи одного из членов литобъединения «Стапель» Черноморского судостроительного завода, написанные в связи с 75-летним юбилеем А. Топорова:

Сколько вех на пути Вашем трудном!
Из российских глухих деревень
Свежесть раннего «Майского утра»
Донесли Вы в сегодняшний день.
Слушать Пушкина будут крестьяне,
Говорок алтайский затих.
Вы умели еще кристальней
Сделать души чистые их.
Зря вы, годы, про старость кричите,
Прикасаетесь к пряди седой.
Вдохновенное слово УЧИТЕЛЬ —
Это значит — всегда молодой.
Ваша жизнь, как правдивая песня,
Прорывает толщу времен.
Разрешите же Вам отвесить
Самый русский, земной поклон!

Думается, членам николаевского Пушкинского клуба, филологам, студентам, школьникам, всем любителям словесности нашего и других городов вполне по силам дополнить этот небольшой исследовательский материал. И тем самым внести свою лепту в развитие темы «Пушкин и Николаевщина».

2. Тема Л. Н. Толстого в жизни и творчестве писателя и просветителя А. М. Топорова⁴³

Из российских литераторов воображение А. М. Топорова с отрочества было потрясено образами трёх колоссов: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького. С Пушкиным понятно⁴⁴. Даже своего рода поговорка есть: «Пушкин — наше всё!». Максим Горький, по сути дела, дал писателю Топорову путевку в жизнь и был его добрым гением в период становления, как литератора⁴⁵.

Что до Льва Николаевича Толстого и его влияния на жизнь и творчество А. М. Топорова, то, прежде всего, следует вспомнить о гении российской общественной мысли, как о просветителе.

В этом почетном ряду имя Л. Н. Толстого стоит рядом (а в чём-то и выше) с именами Д. И. Менделеева, В. И. Вернадского, Н. И. Пирогова, К. Э. Циолковского, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, П. Л. Капицы и многих других.

Замечательно сформулирован смысл российского просветительства в словаре В. И. Даля:

«Просвещать, просветить кого, даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце»⁴⁶.

Сегодня просветительство вновь становится ключевым инструментом мобилизации творческой энергии людей. Их тяга к знаниям сохранилась, осталась и та нравственная основа, на которой всегда держалась Россия. Но разобраться в потоке информации, который обрушивается на современного человека, крайне трудно. Этим пользуются всякого рода мошенники: бесконечные ясновидящие, колдуны, экстрасенсы у нас известны людям во стократ лучше, чем отечественные ученые с мировыми именами.

В магазинах, конечно же, есть прекрасные просветительские книги, но очень дорогие. В отличие от массовой литературы, детективов и любовных романов, большинство населения купить их не может.

Чтобы изменить ситуацию, необходимо не только отладить систему непрерывного образования и обучения детей и взрослых, но и вспомнить буквально поименно каждого из выдающихся просветителей прошлого, заново переосмыслить их опыт.

С этой целью мы и представляем творческий портрет писателя и педагога А. М. Топорова, как одного из крупных просветителей своего времени, чье мировоззрение во многом формировалось под мощным влиянием жизненного примера и трудов Л. Н. Толстого.

Вот только два мнения о Топорове.

Д. Г. Шеваров, литератор:

«Русские подвижники... Если бы вышла в свет энциклопедия с таким названием, то она не могла бы обойтись без имени Адриана Митрофановича Топорова»⁴⁷.

В. В. Глотов, публицист:

⁴³ Печатается по тексту: Топоров И. Г. Л. Н. Толстой в жизни и творчестве писателя и просветителя А. М. Топорова // Мансуровский сборник: Материалы Мансуровских чтений. Выпуск 7-й. Тула, «Музей-усадьба Л. Н. Толстого „Ясная Поляна“», 2019. С. 122—135.

⁴⁴ Топоров И. А. С. Пушкин в жизни и творчестве старооскольца, писателя, просветителя и книговеда Адриана Топорова. / Первые топовские чтения на Белгородчине. Белгород, 2009. С. 13 — 24.

⁴⁵ Топоров Г. А., Топоров И. Г. В поле его тяготения // Литературная учеба, 2013. — №2. — С. 102 — 108.

⁴⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4. М., 1978.

⁴⁷ Шеваров Д. Г. Стоявший прямо перед лицом страха. // Первое сентября. 2008. 11 сентября.

«Мы можем с уверенностью сказать: в лице А. М. Топорова мы имели по существу первого советского просветителя, причем такого масштаба, превзойти который не удалось никому... Идея приобщения народа к мировой культуре была воплощена Топоровым на небольшом пространстве, но столь блистательно и глубоко, что до сих пор поражаешься тому, чего может достигнуть один человек!»⁴⁸.

Детство и юность писателя проходили неподалёку от Тульской губернии. А. М. Топоров (1891—1984) — выходец из беднейшей крестьянской семьи на Белгородчине. Кроме того, еще один значительный отрезок его жизни связан с почти соседним подмосковным городом Раменское (1932 — 1937), где он учительствовал и где был арестован по ложному обвинению в 1937 году. К этим же годам относятся: посещение Топоровым Ясной Поляны и московских музеев Л. Н. Толстого, а также начало его приятельских отношений с В. В. Вересаевым и долгих с ним разговоров о Пушкине и его добром знакомце и земляке — Л. Н. Толстом. Подробности этой любопытной истории излагались одним из авторов настоящего исследования на Пятых литературно-краеведческих чтениях, посвященных 145-летию со дня рождения писателя в Туле в январе 2012 года⁴⁹.

Просветительская работа А. М. Топорова началась в 1908 г. в глубокой российской провинции — в Курской губернии, затем он учительствовал в Барнауле, в алтайском селе Верх-Жилинское, где стал организатором коммуны «Майское утро». Именно из него двадцать мужиков, прихватив с собой баб и детей, ушли на пустырь, чтобы начать новую жизнь.

Э. Горюхина, «Золотое перо России-2008», писала, что это был

«величайший социальный эксперимент, в основе которого лежала культурная составляющая выдающегося педагога Адриана Митрофановича Топорова. Подумать только, в 20-х годах на Алтае строились коровники по типу датских скотных дворов. Выписывались из-за границы экономические журналы»⁵⁰.

Что еще сумел сделать Топоров? Попробуем просто перечислить. Кроме того, что в течение 20 лет учил детишек и обучал грамоте коммунаров, А. М. Топоров создал в этом глухом краю богатейшую библиотеку, краеведческий музей и 2 народных театра: взрослый и детский. Коммунары ставили «На дне» М. Горького и «Дядю Ваню» А. П. Чехова, в репертуаре были Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Мольер и пр.

А. М. Топоров создал в коммуне хор и струнный оркестр, исполнявшие сложные классические произведения. Невозможно в это поверить, но в деревенской школе — в первые тяжелейшие годы после Гражданской войны — одних только циммермановских скрипок было пятьдесят!!

Но конечно, главное — чтение. А. М. Топоров организовал читки художественной литературы. То, что захватило на много лет и самого Топорова, и крестьян. «Белинские в лаптях» прослушали в блестящем исполнении молодого учителя сотни книг классиков и советских писателей.

В задумку А. М. Топорова долгое время не верили. Скажем, замечательный сибирский поэт Г. А. Вяткин в 1927 году написал А. М. Топорову:

⁴⁸ Глотов В. В. Наследство учителя. // Топоров А. Мозаика. Киев, 1985. С. 3.

⁴⁹ Топоров И. Г. Мой мудрый наставник. / Пятые литературно-краеведческие чтения, посвященные 145-летию со дня рождения В. В. Вересаева. Тула, 2012. С. 99 — 106.

⁵⁰ Горюхина Э. Н. Рассвет, который потушили. // Новая газета. 2008. 17 июля.

«Читать крестьянам Блока или Пильняка, или футуристов, это все равно, что малограмотному рабочему дать вместо элементарной политграмоты „Капитал“ Маркса или полемику Ленина с народниками и меньшевиками»⁵¹.

Потом, правда, устыдился своих же слов:

«Я и не подозревал, что у вас такой обширный репертуар — от Гомера до Метерлинка!»⁵².

Впрочем, понять Вяткина можно. Масштаб и смысл того, что проделал А. Топоров, станет по-настоящему ясен, если обратиться к исходной точке — с чего начинал просветитель. Ведь и сейчас еще порой раздаются голоса: не сам ли придумал всё это А. Топоров, не специально ли это собранная деревня с особо подготовленными советскими пропагандистами-крестьянами?

Вот, для примера, только пара характеристик коммунаров, сделанных Топоровым еще в 20-е годы.

«Бочаров Г. З. 25 лет. До коммуны — беднейший крестьянин. Тих, как ягненок. Работает в качестве сапожника. Крайне застенчив...».

«Ломакин И. Н. 48 лет. Был крепким хозяином. В грамоте совсем слаб. Кузнец... Книг сам не читал...»⁵³.

Обратим внимание на огромный диапазон педагогическо-просветительской работы А. М. Топорова. Ведь он запросто мог сделать для такого контингента, как поступали многие: свести просвещение к «культграмоте». Мог бы преподносить народу культуру в урезанном виде, но предпочел безмерно широкий ее мир, не упрощенный и не подмененный суррогатом.

Между тем, коммунары не только прослушали все эти произведения, но и высказали о них свои оригинальные и глубокие замечания. Накопленный материал вылился в знаменитую книгу А. М. Топорова «Крестьяне о писателях»⁵⁴. Ей нет аналога в мире. Она сделала имя автора известным не только в СССР, но и далеко за его пределами (США, Австралия, Польша, Швейцария и пр.), была высоко оценена А. М. Горьким, В. В. Вересаевым, П. М. Бицилли, К. Г. Паустовским, К. И. Чуковским, А. В. Луначарским, Н. А. Рубакиным, А. Т. Твардовским, М. В. Исаковским, В. А. Сухомлинским, С. П. Залыгиным и др.

Надо ли говорить о том, что А. М. Топоров многократно читал своей крестьянской аудитории книги любимейшего своего писателя Л. Н. Толстого. Из текста первого и всех последующих изданий «Крестьян» явствует, что коммунары, как минимум, прослушали и обсудили такие его произведения, как «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение», «Анна Каренина», «Дьявол», «От нее все качества», «Плоды просвещения», «Хозяин и работник», «Живой труп», «Власть тьмы», «Отец Сергей», «Исповедь».

Об этом автор упоминает в разделах книги — «Задачи и цели крестьянской критики произведений художественной литературы» и «Наблюдения»:

«Крестьянское определение наилучшего художественного произведения совершенно тождественно с общепризнанным. „Ревизор“, „Власть тьмы“, „Скупой рыцарь“, „Недоросль“, „Тартюф“, „На дне“, „Горе от ума“, „Одиссея“, „Господа Головлевы“, „Мертвые души“, „Слепой музыкант“, „Три сестры“, „Песня про купца Калашникова“, „Кому на Руси жить хорошо?“ и много других таких же высоких произведений выслушивались

⁵¹ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1967. С. 413.

⁵² Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1967. С. 414.

⁵³ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1967. С. 365, 368.

⁵⁴ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1930.

крестьянами с затаенным дыханием. „Мужики“ и „бабы“ давали этим перлам литературы великолепные и оригинальные толкования»⁵⁵.

«Крестьяне убеждены, что многие современные писатели одержимы страстью перегружать свои сочинения образами, которые отшибают читателей, доставляют им не удовольствие, а муку, не облегчают, а затрудняют овладение текстом. Гомер, Л. Толстой, Шекспир, Пушкин. Шелли, Грибоедов, Лермонтов и Тургенев ближе и роднее крестьянству по языку, чем Пастернак, Сельвинский, Соболев, Антокольский, Вера Инбер, Всеволод Иванов, Пильняк, Федин, Аросев, Голодный, Обрадович, Маяковский, Бабель, Караваева и многие другие современные писатели.

Высшую похвалу крестьян заслужили те художественные произведения, в которых счастливо сплетаются острые положения героев, краткие, точные и ясные описания, определения и сравнения, лепные образы, меткий, характерный диалог, прозрачная, хотя и многоузловая психологическая ткань: «Тарас Бульба» Гоголя, «Дубровский» Пушкина, «Человек, который смеется» В. Гюго, «Дни нашей жизни» Леонида Андреева, «Власть тьмы» Л. Толстого... и т. д.»⁵⁶.

Вместе с тем, произведения Л. Н. Толстого для коммунаров и самого Топорова — отнюдь не икона. Они отваживались на критику любимого писателя:

«Трудно провести крестьян и реакционной идеологией художественных произведений. Они ее заметят немедленно, под каким бы соусом она им ни преподносилась: „Орленок“ Ростана, „От нее все качества“ Толстого, „Ганнеле“ Гауптмана, „Живые мощи“ Тургенева, „Жидовская кувырколлегия“ Лескова».

Художественных красот этих произведений оспаривать никто не будет. Но крестьяне с сожалением характеризовали их следующими словами:

- Хороши они, но не наши, чужие...
- «Живые мощи» и «Ганнеле» — больно исусистые.
- «От нее все качества» — тоже «святый боже»⁵⁷.

Или:

«Авторитетов мои критики не признавали. Читал им самого Л. Н. Толстого: „Плоды просвещения“ вызвали у них восторг, „Хозяин и работник“ — недоверие и протест»⁵⁸.

Впрочем, в первое издание «Крестьян» главы с разбором произведений Л. Н. Толстого так и не вошли. В нем шла речь только лишь о книгах советских писателей. А для творений классиков предполагалось издание последующих двух томов. Но обстановка в стране менялась с каждым днем. Умер главный покровитель Топорова — Алексей Максимович Горький. Госиздат в 1936 году отказал автору в их публикации, а в 1937 году А. М. Топоров оказался в ГУЛАГе. Книга Топорова была запрещена Главлитом⁵⁹, уже готовые материалы были безжалостно уничтожены в недрах издательства, а рукописи погибли в Старом Осколе во время его оккупации в годы Великой Отечественной войны. Это стало величайшей трагедией и для

⁵⁵ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1930. С. 32.

⁵⁶ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1930. С. 33.

⁵⁷ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1930. С. 41.

⁵⁸ Топоров А. М. Я — учитель. М., 1980. С. 149.

⁵⁹ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17, оп. 132, д. 319. С. 135.

самого Топорова, и в какой-то, пусть и меньшей степени, для литературоведов, изучающих творчество Л. Н. Толстого.

А. М. Топоров — автор еще нескольких художественных книг — «Воспоминания» (1970), «Я — учитель», «Однажды — и на всю жизнь» (1980), «Мозаика» (1985).

В его творческом архиве лежит с 1970 года неопубликованная в полном объеме 900-страничная рукопись мемуаров с рабочим названием «Я — из Стойла»⁶⁰. Эта книга — развёрнутая автобиография, написанная, однако, по законам художественной прозы. Тема её — человек и его судьба. Повествование охватывает почти весь XX век — бурный, до предела насыщенный войнами, революциями и другими важнейшими событиями. Знаменитый советский журналист и литератор А. А. Аграновский написал об этой рукописи:

«Читается книга с огромным интересом, познавательного в ней тьма, есть главы просто блистательные... Она полезна будет читателям, особенно молодежи... Описания семьи, детства, родни, школы... — это всё хорошая, в лучших русских традициях проза»⁶¹.

А. М. Топоров никогда не скрывал, откуда у него — крестьянского мальчишки — взялось исключительное мастерство устной и письменной речи. И благодарил за это, где возможно, своего наставника — мелкопоместного дворянина Тимского уезда Курской губернии — Л. П. Ешина:

«В Старом Лещине я познакомился в 1910 году с человеком в своём роде замечательным — Леонидом Петровичем Ешиным. С ним и его прекрасной семьей... Всё их имущество состояло из нескольких десятин земли, простых надворных построек, двух лошадей, одной коровы и десятка кур, которых держали ради детей. А главной ценностью, заполнявшей весь небольшой, но уютный дом Ешиных, была старинная фамильная библиотека. Они тщательно сберегали тысячи томов художественной и научной литературы, хранили полные собрания журналов „Отечественные записки“, „Вестник Европы“, „Русское богатство“, „Русская мысль“, „Былое“ — всего мне не перечесать. В их семейном архиве я видел позже и читал письмо Л. Н. Толстого боевому товарищу по Крымской войне — майору Петру Ешину, отцу Леонида Петровича. По своему недомыслию не понял ценности реликвии, копию даже не догадался снять, а она где-то погибла... Но как бы то ни было, прослышав о богатой библиотеке, я однажды преодолел робость, постучался в дом Ешиных и был принят, обласкан, да так и прилепился к этой семье»⁶².

Увы, автору настоящего исследования пока тоже не удалось найти следы переписки Л. П. Ешина с российским гением, но зато теперь абсолютно понятны корни энциклопедической эрудиции, блестящей образованности, многогранного дарования, красноречия Л. П. Ешина.

Будучи уже глубоким стариком и маститым писателем, А. М. Топоров призывал заняться литературным трудом Космонавта-2 — Г. С. Титова, сына его любимых учеников в коммуне «Майское утро» — Степана и Александры:

«Меня особенно заинтересовал язык статьи. (Имеется ввиду статья Г. С. Титова «Старты ее сыновей. К 80-летию Анны Тимофеевны Гагариной» в газете «Комсомольская правда», 18.12.1983. — *И. Т.*) Ты пишешь необычно просто, «душезаношливо», как сказал бы мой добрый незабвенный друг,

⁶⁰ Недавно издана малым тиражом на Алтае: Топоров А. М. Интересное это занятие — жить на земле!: воспоминания. — Барнаул: Алтайский дом печати, 2015. — 394 с.

⁶¹ История одной книги. Письма А. А. Аграновского А. М. Топорову. / Уроки Аграновского. М., 1986. С. 304.

⁶² Топоров А. М. Я — учитель. М., 1980. С. 84.

критик из «Майского утра», Дмитрий Сергеевич Шитиков. Так писал... Лев Николаевич Толстой в таких его величайших созданиях, как «Что такое искусство» и «О Шекспире и о драме». Перечитай, перечитай, перечитай их обязательно снова! Там... неисчислимое множество вечных истин...

...Хочу напомнить тебе афоризм по поводу только что сказанного. Л. Толстой: «Просто писать трудно».

Так вот и возникла у меня идея: ты многое видел, многое встречал, много знал великих людей, многое пережил и перечувствовал. Это всё — бесценный материал для мемуаров. Так и пиши их твоим чудесным языком, каким написана статья об Анне Тимофеевне. У тебя получится бесценный труд... будет классический образец доподлинной русской речи!

Не для мальчишеского фанфаронства, а к слову и делу упомяну здесь немного и о себе. Моя книжечка «Я — учитель» расхватаана в магазинах в несколько дней, а то и часов!.. Почему же она так быстро разошлась? Да только потому, что она написана твоим и моим простым русским языком... Так пишет и твой папаша, мой любимый ученик. Вот я и думаю: может, от меня простота языка передалась ему, а от него — тебе? Всё может быть...»⁶³.

Последняя книга А. М. Топорова — «Мозаика» вышла в свет в 1985 году⁶⁴.

«Многие коллекционеры, — говорил он, — собирают картины, редкие книги, открытки, почтовые марки, металлические и бумажные деньги, трубки, портсигары, птичьи яйца, спичечные коробки, конфетные и мыльные обертки и другие предметы, а я попытался собрать любопытные факты и эпизоды из жизни ученых, писателей, художников, композиторов, артистов театра, кино, цирка, словом, замечательных людей, создававших общечеловеческую культуру... Я пытался представить героев эпизодов как живых людей в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В моих миниатюрах нет ничего вымышленного. Все они извлечены из литературных источников и лишь сжато изложены мною»⁶⁵.

Около десяти лет А. М. Топоров усердно разыскивал в старинной и новейшей литературе эти эпизоды. Вместе взятые, они представляют крупницы энциклопедических знаний, преподанных в занимательной форме. Топоров был уверен, что собранное им малоизвестно или вовсе неизвестно большинству читателей, особенно молодежи, и страстно хотел бы увидеть свою книгу изданной. Но не суждено было: книга в сильно усечённом варианте, сравнительно небольшим тиражом увидела свет лишь год спустя смерти автора и сразу же стала библиографической редкостью. Любопытно, что она впоследствии обрела большую популярность среди участников открытых чемпионатов Израиля, Германии, России, Украины и других стран по интеллектуальным играм («Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринг»).

В неё вошли несколько миниатюр из жизни Л. Н. Толстого. Еще 10 рассказов о писателе были обнаружены одним из авторов статьи в рукописи в Государственном архиве Николаевской области⁶⁶. Они впервые предлагаются читателю в приложении к настоящему исследованию⁶⁷.

⁶³ Письмо А. М. Топорова Г. С. Титову, 1984. 7 января. ГАНО (Государственный архив Николаевской области). Ф. Р-2852, оп. 4, д. 294. С. 151—152.

⁶⁴ Переиздана в Москве в 2013 году, а также в издательстве Ridero в 2020 и 2021 годах.

⁶⁵ Топоров А. М. Мозаика. Киев, 1985. С. 10.

⁶⁶ ГАНО (Государственный архив Николаевской области). Ф. Р-2852, оп. 4, д. 277. С. 87, 134, 157 — 158.

⁶⁷ Читай в книге: Топоров А. М. Мозаика: Из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, ученых. — Издательские решения, 2021. — 340 с.

А. М. Топоров никогда не ограничивался литературной деятельностью. Как публицист, он упомянут в серьезных научных исследованиях, признавался лучшим селькором Алтая⁶⁸, а его статьи печатались в более чем 100 изданиях нашей страны и за рубежом и востребованы до сих пор.

А. М. Топоров известен также как библиовед, эсперантист, музыковед, языковед и пр. Во всех этих отраслях культуры и знаний он имел печатные работы, научные труды. При их подготовке он почти всегда обращался к творческому наследию Л. Н. Толстого. Читаем в рукописи его мемуаров, что при составлении фундаментального учебника языка эсперанто он

«прежде всего... изучил академический труд Э. Дрездена „За всеобщим языком“ (Главнаука НКП РСФСР, ГИЗ, М.-Л., 1928). Затем собрал высказывания об эсперанто — Горького, Л. Н. Толстого, Барбюса, Ромена Роллана, Луначарского, Эйнштейна, Щербы, Шухардта, Есперсена, Мейе, Мартина, Бодуэна де Куртене, Ферсмана, Обручева, Арманда, Бокарева, АН СССР (постановление 1926 года) и др.»⁶⁹.

С использованием многочисленных примеров из произведений Л. Н. Толстого была также подготовлена рукопись «Занимательного задачника по развитию мышления и речи»⁷⁰.

Однако, высшее проявление просветительской миссии А. М. Топорова, думается, — его педагогическая деятельность, далеко выходящая за рамки любой школьной программы. В основе его педагогической системы лежало мудрое высказывание Л. Н. Толстого из «Круга чтения»:

«Чтобы поверить в добро, надо начать делать его».

Позже, в мемуарах, А. М. Топоров так писал о своем учительском кредо:

«В школе „Майского утра“... теоретическая учеба ребят связывалась с трудом, играми и физкультурой. Труд был основой учебы и воспитания... Ребятам выделили особое многоотраслевое сельское хозяйство с подсобными мастерскими... Преподавание основ наук, соединенное с постоянным воспитывающим (а не батрацким!) трудом, просто и естественно приучала молодежь к порядку, аккуратности и исполнительности. И для меня, и для взрослых коммунаров в то время показалось бы чрезвычайным происшествием нарушение школьниками учебной или трудовой дисциплины. За 12 лет моей работы в коммуне я не знал ни одного случая нарушения этой дисциплины моими воспитанниками»⁷¹.

Он где-то вычитал, что наименьшее количество уголовных преступлений совершают люди из мира искусств:

«Школа без искусств — мертвый дом... Мои ученики рисовали, лепили, моделировали, делали аппликации, изучали ноты, пели в хоре, в дуэтах, трио, соло; играли на разных струнных музыкальных инструментах; ...вышивали, инсценировали рассказы, декламировали, ...ставили спектакли, ...выступали с публичными докладами, устраивали конкурсы на лучшего чтеца и декламатора, литературные суды и споры, читки художественных произведений и критику их; выпускали школьные стенгазеты и журналы... Я и сам охотно лепил в классе вместе с учениками. Это подзадоривало их.

⁶⁸ История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. 7. М., 1967. С. 353.

⁶⁹ Топоров А. М. Я — из Стойла. Воспоминания. Рукопись. Ч. 2. Личный архив Топорова И. С. 363.

⁷⁰ Топоров А. М. Занимательный задачник. / На уроке и после урока. Сборник статей из опыта работы учителей. М., 1962.

⁷¹ Топоров А. М. Я — учитель. М., 1980. С. 141.

Лепке учил школьников и долго гостивший у меня в 1929 году скульптор С. Р. Надольский, автор знаменитого памятника „Героям 1812 года“, поставленного в Кутузовском сквере города Смоленска...»⁷².

В 1919 году Адриан оказался в числе пяти учителей, отобранных на Алтае для Московского института красной профессуры.

«Поезжай, — сказал ему латыш Л. А. Папарде, заведующий Барнаульским уездным отделом народного образования, — красным профессором будешь!»⁷³.

Не поехал, отказался от научной карьеры. Решил, как говорили тогда, «отдать долг народу».

И стал одним из лучших педагогов в тех краях. Избирался от Алтая делегатом Первого всесоюзного учительского съезда. Активно печатался в сибирских и центральных педагогических изданиях. Заработал немалый авторитет.

Снова слова журналиста В. В. Глотова об А. М. Топорове:

«Он учил людей — и детей, и взрослых — человеческому поведению, просвещал постоянно, год за годом, знания проверял жизнью, а жизнь — знаниями, вот смысл топоворского урока... Но прежде и это главное — примером собственной жизни»⁷⁴.

Есть исследования, позволяющие говорить о том, что в основе педагогической концепции А. М. Топорова во многом лежат размышления и практическая деятельность Л. Н. Толстого:

«В дореволюционные министерские школы рассылался популярный в учительской среде толстый журнал „Русская школа“, в котором публиковались интересные статьи об отечественном и иностранном педагогическом опыте. Именно в этом журнале А. М. Топоров познакомился с наблюдениями К. Д. Ушинского. Особенно по сердцу сельскому учителю была практика Яснополянской школы Льва Николаевича Толстого»⁷⁵.

Думается, не случайно уже в наше время многие авторы педагогических книг, научных трудов, учебных вузовских программ называют фамилию А. М. Топорова в одном ряду с именами Я.-А. Коменского, К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, а школу коммуны «Майское утро» иногда сравнивают с яснополянской школой Льва Толстого⁷⁶.

Подытоживая сказанное об А. М. Топорове, вспомним слова его однофамильца — академика В. Л. Топоров⁷⁷ в статье памяти Д. С. Лихачева⁷⁸:

⁷² Топоров А. М. Я — учитель. М., 1980. С. 142 — 143.

⁷³ Глов В. В. Учитель для сына. Размышления журналиста. М., 1985. С. 28.

⁷⁴ Глов В. В. Учитель для сына. Размышления журналиста. М., 1985. С. 29 — 30.

⁷⁵ Мирошниченко Е. Г. Крестьяне о писателях (Слово и книга Адриана Топорова). // Мирошниченко Е. Г. Я зачем-то съездил в Николаев. Николаев, 2001. С. 134.

⁷⁶ Нуйкин А. А. Страсти по Макаренко. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.jig.ru/golden/016.html>. Дата обращения: 30.01.2013.

⁷⁷ Виктор Леонидович Топоров (1946 — 2013) — советский и российский литературный критик, публицист и переводчик, филолог.

⁷⁸ Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906 — 1999) — советский и российский литературовед, филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор. Академик АН СССР. Председатель правления Российского (Советского до 1991 года) фонда культуры.

«Он учил добру и даже не столько учил (тем более — не поучал), сколько внятно говорил о нем, раскрывая его полноту, глубину, если угодно, естественность и пути достижения его»⁷⁹.

Эти слова в полном их объёме можно отнести к деятельности Л. Н. Толстого и в какой-то степени к жизни и творчеству его много младшего современника — А. М. Топорова.

⁷⁹ Топоров В. Н. Дмитрий Сергеевич Лихачев в контексте XX века. // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 216.

3. В поле его тяготения. К 145-летию со дня рождения А. М. Горького⁸⁰

Исполнилось более 75 лет с того печального дня, когда не стало Алексея Максимовича Горького. Его имя сегодня — предмет многочисленных и противоречивых дискуссий. Если подсчитать количество упоминаний о нём в современных работах историков русской литературы, он по-прежнему остаётся ключевой фигурой процесса развития культуры XX века.

Искренне жаль, правда, что они редко говорят про энергичную работу Горького в послеоктябрьской России по спасению деятелей культуры, коллег-писателей от голодной смерти и расстрелов, благодарно воспринятую в своё время Е. Замятиным, А. Ремизовым, В. Ходасевичем и многими другими; про организацию издательства «Всемирная литература», открытие в Петрограде Дома учёных и Дома искусств. И о том, что в 1918 году А. М. Горький посылал деньги нищенствовавшему в Сергиевом Посаде В. Розанову, что в немалой степени продлил земное существование А. Блоку и А. Грину...

Впрочем, Бог — судья тем людям, кто видит в нём исключительно «буревестника революции» или певца сталинских строек и лагерей. Не жили они в то сложное время.

Не суди, да не судим будешь...

Читающая и думающая публика тоже всё чаще вспоминает А. М. Горького, персонажей его пьес, героев ранних гуманистических рассказов. Люди иногда цитируют его высказывания, даже не зная, кому они принадлежат. Всё это также подчёркивает величие А. М. Горького как литератора и человека.

А летом 1984 года в городе Николаеве, что на Украине, тихо скончался писатель и педагог Божьей милостью Адриан Топоров⁸¹. На тот момент — хотя бы и в силу его весьма преклонного возраста (почти 93 года) — уже мало кто из наших соотечественников мог похвалиться историей личных взаимоотношений с А. М. Горьким.

Об их, увы, так и не состоявшейся встрече — наш рассказ...

Вернёмся в 30-е годы... А. Топоров, живший в Очёре, что неподалёку от Перми, решал в это время одну из самых насущных своих проблем. Подступился к ней он ещё в 1928 году, и связана она была пусть с косвенной, но неизменно благожелательной поддержкой со стороны Максима Горького.

В «пролеткультовско-рапповско-лефовской» атмосфере тех лет, может быть, и не состоялось бы рождение его знаменитой книги «Крестьяне о писателях», не придай гласности тогдашний редактор журнала «Сибирские огни» В. Зазубрин⁸² обращённые к нему в письме слова А. М. Горького:

«Сорренто, 17 марта 1928 г.

Уважаемый Владимир Яковлевич!

⁸⁰ Печатается по тексту: Топоров Г. А., Топоров И. Г. В поле его тяготения // Литературная учеба, 2013. — 2.

⁸¹ Топоров Адриан Митрофанович (1891—1984) — советский писатель, публицист и просветитель, автор легендарной книги «Крестьяне о писателях» (1930).

⁸² Зазубрин Владимир Яковлевич (настоящая фамилия Зубцов; 1895—1937) — русский, советский писатель, общественный деятель, автор первого советского романа «Два мира».

...Затем я очень прошу Вас: пошлите мне Вашу книгу «Два мира», интереснейшую беседу слушателей о ней я читал, захлебываясь от удовольствия. Первый номер «Сибирских огней» очень интересен»⁸³.

А немного позже, в том же году, А. М. Горький в предисловии к пятому изданию «Двух миров» напишет:

«Эта книга была прочитана в Сибири перед собраниями рабочих и крестьян. Суждения, собранные о ней, стенографически записаны и были опубликованы в журнале „Сибирские огни“. Это весьма ценные суждения, это подлинный „глас народа“»⁸⁴.

Есть такой термин — «поле тяготения». С тех двух отзывов А. М. Горького о крестьянской критике, где бы ни находился Алексей Максимович: в Москве, Крыму, Сорренто, снова в Москве, инициатор и организатор уникального опыта в коммуне «Майское утро», А. Топоров всегда был в его «поле тяготения».

Адриан Митрофанович не раз утверждал впоследствии, что только благодаря одобрительным словам великого писателя он дерзнул в 1929 году послать в Госиздат в Москву все три тома собранных им отзывов коммунаров о произведениях литературы. И в 1930 году книга «Крестьяне о писателях» увидела свет.

Была в ней явная странность. Книгу составили отзывы о произведениях советских писателей и поэтов того времени. Почему же крестьянская критика умолчала о А. М. Горьком? Она не умолчала. Её не было только в первой изданной книге — всего лишь части трёхтомной рукописи «Крестьян о писателях». В двух неизданных томах имелись отзывы коммунаров о классиках русской и мировой литературы. К ним и отнесли А. М. Горького. К сожалению, в 1930 году эти два тома были законсервированы Госиздатом. Но разве не могли его работники извлечь из неизданных рукописей отзывы о произведениях А. М. Горького? Могли, но, видимо, не захотели: «неистовые ревнители» так называемой пролетарской литературы в те годы мало считались и с авторитетом самого Горького.

⁸³ Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. — М.: Наука, 1965. С. 350.

⁸⁴ Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. — М.: Наука, 1965. С. 363.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.